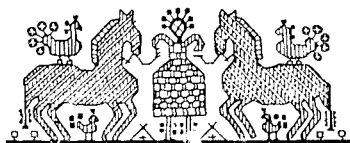
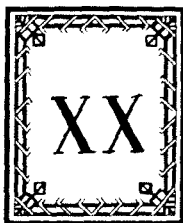

АН 1641 26
1871
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

И. В. ЗАХАРОВА

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЙГУРОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА¹

Уйгуры, живущие на территории Советского Союза, переселились сюда в XIX в. из Синьцзяна, где они составляют основную массу оседлого населения. Уйгуры СССР делятся на две группы, отличающиеся разными путями своего исторического развития и говорящие на различных диалектах.

Соответственно основным районам расселения эти группы можно назвать семиреченской и ферганской. Семиреченские уйгуры живут главным образом в Казахской ССР и составляют значительную часть населения Уйгурского, Чиликского и Эмбекши-Казахского районов Алма-Атинской области и Панфиловского района Талды-Курганской области. Ферганские уйгуры расселены небольшими группами, не превышающими трех — пяти тысяч человек, в Андижанской области Узбекской ССР и Ошской области Киргизской ССР, среди узбекского, таджикского и киргизского населения.

По переписи 1926 г. в СССР зарегистрировано 108 500 уйгуров, из них 63 500 — в Казахстане, 37 000 — в Узбекистане и 8000 — в Киргизии.

До 1921 г. уйгурский народ не имел единого названия. Уйгуры именовались по месту жительства или происхождения, например: *кашгарлык* — уйгуры из Кашгарского оазиса, *турфанлык* — из Турфанского оазиса. Уйгуры Илийского края получили название по своему основному занятию — *таранчи* (землепашцы). Древнее наименование народа — «уйгуры», существовавшее в Восточном Туркестане до XIV в., было восстановлено только в 1921 г. на съезде «джунгарских и алтышарских трудящихся» (подразумеваются переселенцы, живущие в СССР), состоявшемся в Ташкенте.

Общая литература по Синьцзяну содержит немало этнографических данных. Наибольшие заслуги в изучении быта и культуры населения Синьцзяна принадлежат плеяде русских путешественников и ученых конца XIX — начала XX в. — Ч. Ч. Валиханову, Н. М. Пржевальскому, М. В. Певцову, В. И. Роборовскому, Н. Н. Катанову, С. Е. Малову. Ряд ученых, например, Н. Н. Пантусов, В. Э. Пайсель, И. В. Селицкий, П. П. Румянцев, занимался исследованием быта уйгуров-переселенцев в русском Семиречье. Наибольшее внимание дореволюционных исследователей привлекали религия и фольклор, изучением которых занимались востоковеды Н. Н. Катанов, Н. Н. Пантусов, С. Е. Малов, С. Ф. Ольденбург и др. Материальная же культура уйгуров, живших на территории России, изучалась очень мало. Большинство дореволюцион-

¹ Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР 10 июня 1952 г.

ных этнографических работ, посвященных материальной культуре уйгуров, имеет описательный, в ряде случаев поверхностный характер.

После Великой Октябрьской социалистической революции этнографией уйгуров занимались, главным образом, местные краеведы. В советской литературе нет пока специальных работ на данную тему.

Летом 1947 г. в Алма-Атинскую и Талды-Курганскую области Казахстана была направлена антрополого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР и Института истории АН КазССР, возглавлявшаяся проф. Н. Н. Чебоксаровым. Один из отрядов экспедиции, в состав которого входил автор этого исследования, работал в Чиликском, Уйгурском и Панфиловском районах. Дополнением к материалам экспедиции явились сведения по этнографии уйгуров, собранные в 1949 г. студенткой МГУ Н. Г. Борозна в Энбекши-Казахском районе. В 1948 г. в Андижанском и Пахта-Абадском районах Андижанской области, Ошском районе Ошской области автором были собраны данные по этнографии ферганской группы уйгуров.

* * *

Уйгурский народ сложился на территории Восточного Туркестана. Основу его этногенеза составили оседлые племена Кашгарии и родственные оседлому населению кочевники, жившие в горах по окраинам бассейна р. Тарима.

Антропологические и археологические данные говорят об автохтонном происхождении современных уйгуров. Однако немалую роль в их этногенезе сыграли племена, переселившиеся из Средней Азии, с Алтая, из Монголии и Китая (гунны, кушаны, эфталиты, жужане). Пришельцы растворились в местном населении и ассимилировались им, иногда оставляя свой отпечаток на культуре и физическом типе населения. Значительная роль в этногенезе уйгурского народа принадлежит древним уйгурам, известным под названием гао-гуй, первые упоминания о которых имеются в письменных источниках IV в.

Уйгурская народность складывалась в IX—XII вв., в период развития феодализма и появления первых прочных государственных объединений на территории Синьцзяна (Уйгуристан — в Восточной Кашгарии, ханство Караханидов — в Южной Кашгарии). Для Восточного Туркестана это время было эпохой экономического и культурного расцвета.

Монгольское завоевание привело страну в состояние экономического, политического и культурного упадка, особенно углубившегося в XVII—начале XVIII в. В середине XVIII в. территория нынешней провинции Синьцзян была присоединена к Китайской империи. С этим событием связано возникновение в Илийском крае новой локальной группы уйгуров, переселенных сюда из оазисов Кашгарии. Осуществляя переселение, цинское правительство преследовало две цели: создать сельскохозяйственную базу в Джунгарии и наказать тех, кто активно сопротивлялся завоеванию Синьцзяна. Некоторые русские и китайские источники свидетельствуют о том, что подневольное переселение из Кашгарии в Илийский край практиковалось и раньше, в начале XVIII в., во времена господства джунгарских ханов. В середине же XVIII в. цинскими властями было переселено около шести тысяч семей уйгуров, получивших наименование *таранчи*.

В Ферганскую долину уйгуры переселялись главным образом в первой половине XIX в. Многие из них были участниками восстаний против цинской монархии и бежали после подавления этих восстаний. Другие эмигрировали из Кашгарии по причине малоземелья: в тот период в Ферган-

ской долине было много незанятых удобных для орошения земель. Сюда приходили преимущественно уйгуры из Кашгарского оазиса (*кашгарлыки*). Селились они небольшими группами, образуя отдельные поселки, а иногда расселялись по узбекским кишлакам.

Поселение уйгуров в Семиречье связано с крупнейшим восстанием в Синьцзяне (1864—1878 гг.). В 1871 г. Илийский край, где в результате победы восставших образовалось Уйгурское феодальное государство — Таранчинский султанат, был оккупирован Россией. По Петербургскому трактату 1881 г., предусматривавшему строгую фиксацию русско-китайской границы, Россия вернула Китаю Илийский край, оставив за собой лишь небольшую пограничную территорию. При этом большинство уйгуров и дунган, проживавших в этом крае, приняло русское подданство и переселилось на территорию Семиречья. Переселение происходило в 1882—1884 гг. Уйгуры переезжали целыми общинами, стремясь и на новых местах сохранить прежние общинные связи. Царское правительство искусственно закрепило эти связи, давая земельный надел на общину целиком и взимая подати также со всей общины.

С конца XIX в. зарождается капитализм в Семиречье и Фергане. В Фергане развитие капитализма шло быстрее, чему способствовало расширение товарного хлопководства (введение культуры египетского хлопка). В начале XX в. натуральный тип хозяйства в Фергане исчез. Масса крестьянства была обезземелена и разорена. В Семиречье этот процесс происходил замедленными темпами, но уже в начале второго десятилетия XX в. около 25% уйгурских хозяйств ушли из общин, бросив свои наделы, а из оставшихся четвертую часть составляли несеющие хозяйства, члены которых занимались ремеслами, отхожими промыслами, батрачили.

В условиях сохранения в дореволюционной Средней Азии элементов феодализма внутриобщинная эксплуатация выступала в отсталых формах издольной аренды, сопровождавшейся долговой кабалой.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху в жизни уйгурского народа. Трудящиеся уйгуры вместе с другими народами Средней Азии при помощи русского народа, руководимые Коммунистической партией и Советским правительством, завоевали себе право на свободное национальное существование среди братских народов — казахов, узбеков, киргизов.

Гражданская война продолжалась в Семиречье до 1920 г. В Фергане сопротивление эксплуататорских классов, принявшее форму басмачества, активно поддерживавшееся английскими империалистами, затянулось до 1923—1924 гг. Уйгурская беднота сражалась в партизанских отрядах; в рядах Красной Армии был создан особый таранчинский полк. В Фергане трудящиеся уйгуры вступали в добровольческие отряды по борьбе с басмачами.

В 1921—1922 гг. в Семиречье, а в 1924—1926 гг. в Фергане была проведена земельно-водная реформа. Землю получили в первую очередь батраки и безземельные крестьяне. Они явились организаторами в 1927—1929 гг. первых уйгурских колхозов.

Коллективизация в Семиречье и Фергане проходила быстрыми темпами. Уже в 1930—1931 гг. колхозы объединили около 50% уйгурских хозяйств, а к 1935 г. единоличных хозяйств почти не осталось. Всего в Казахской ССР образовалось свыше 60 уйгурских колхозов, столько же и в Узбекской ССР (до укрупнения колхозов).

В соответствии с национальной политикой Советского государства уйгурам предоставлены все условия для развития их национальной культуры. В Казахстане выделены районы, населенные преимущественно уй-

гурами (Панфиловский, Уйгурский, Чиликский), где обучение в начальных и средних школах ведется на уйгурском языке. В Киргизии и Узбекистане организованы национальные уйгурские сельсоветы (например, Кашгар-Кишлакский в Ошском районе Ошской области, Уйгурский в Пахта-Абадском районе Андижанской области и др.). Получила развитие уйгурская периодическая печать. Выросли уйгурский национальный театр, уйгурская литература.

* * *

Семиреченские уйгуры значительно отличаются от ферганских по своей материальной культуре. Ряд отличий возник уже после переселения в результате различных условий их жизни: историко-экономических (например, более быстрое развитие капитализма в Фергане), естественно-географических (почва, климат), а также в результате различного этнического окружения (узбеки, таджики, киргизы — в Фергане; казахи, русские, дунгане — в Семиречье). Помимо того, материальная культура уйгуров Семиречья — переселенцев из Илийского края, и ферганских уйгуров — выходцев из Кашгарского оазиса, отражает вариации материальной культуры уйгуров разных оазисов Синьцзяна.

В XIX в. уйгурский народ делился на местные этнические группы, не объединенные общим наименованием. Можно выделить три основных этнических подразделения уйгуров: южнокашгарское, или кашгаро-хотанское, восточнокашгарское, или турфано-хамийское, или илийское. Кроме того, существовали небольшие, несколько обособленные группы уйгуров — *лобнорцы*, жившие в районе озера Лоб-Нор, *доланы* — обитатели лесистой части долины Тарима, и *таглыки* — горцы Хотанской области.

Деление уйгуров на три основных подразделения находит свое объяснение в истории. Уйгуры Турфанского и Хамийского оазисов с I в. до н. э. находились под сильным влиянием Китая и были связаны с государственными образованиями кочевых народов Центральной Азии. Южная Кашгария была сильнее связана со странами Средней Азии.

Илийская группа уйгуров возникла в XVIII в. в результате насильственного переселения в долину р. Или жителей различных оазисов Синьцзяна как южных, так и восточных.

Традиционная материальная культура семиреченских уйгуров по ряду признаков оказывается близкой к культуре восточнокашгарской группы. Об этом свидетельствует совпадение тех элементов материальной культуры, которые отличают обе группы от южнокашгарской. Так, плетеной бороной *серрам* уйгуров Илийского края и Турфана в Южной Кашгарии не пользовались, здесь употреблялась *мала* (бревно с деревянными зубьями), подобная *моле* ферганских узбеков. Для жилища илийских уйгуров характерно наличие кана, неизвестного в Южной Кашгарии. Глинобитное возвышение *суна* занимает почти всю жилую зимнюю комнату, за исключением небольших площадок у дверей для топлива и обуви, тогда как в южнокашгарских районах *суна* обычно не превышает половины площади комнаты. Для обстановки восточнокашгарского, илийского и семиреченского уйгурского дома характерно наличие низенького столика для еды — *джоза*, редко встречающегося в домах Южной Кашгарии.

Общие черты имеются и в покрое национальных костюмов, в особенности мужских рубах и халатов.

Много общего между семиреченскими и восточнокашгарскими уйгурами мы находим в обычаях, связанных с едой, и в продуктах питания. Это, например, употребление чая с молоком и солью, что редко встречается в Южной Кашгарии; употребление палочек для еды; обычай подавать чай

каждому в отдельной чашке, а не в общей пиале, из которой пьют по очереди, как это имеет место в Южной Кашгарии.

Уйгуров Восточной Кашгарии и Илийского края сближают также некоторые черты духовной культуры, ряд общих обрядов и обычаев. Например, обычай устраивать *майлисе* — вечеринки молодежи обоего пола типа русских посиделок, неизвестный в Южной Кашгарии.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в формировании илийской группы уйгуров, происходившем с середины XVIII до середины XIX в., принимало участие значительное число выходцев из Восточной Кашгарии, в частности, из Турфанского и Хамийского оазисов. Возможно, это были переселенные в Илийский край еще джунгарами в конце XVII — начале XVIII в. уйгуры, о которых имеются некоторые свидетельства китайских и русских источников. После завоевания Джунгарии китайцами часть этих переселенцев осталась в крае. Они, очевидно, были преимущественно жителями Турфанского и Хамийского княжеств, признавших в конце XVII в. верховную власть Китая.

Если принять эту гипотезу, то станет понятно, почему формировавшаяся в течение столетия культура новой группы уйгуров — представителей многих оазисов Кашгарии, имеет черты, роднящие ее с культурой жителей восточнокашгарских оазисов.

Семиреченская группа уйгуров имеет своеобразную историю. Эту группу составили выходцы из оазисов Кашгарии, поселенные среди этнически чуждого им населения — монголов, китайцев, дунган. Но, несмотря на это, семиреченские уйгуры сохраняли свою национальную культуру, восприняв лишь отдельные элементы культуры соседей. Устойчивость национальной культуры семиреченской группы объясняется ее древностью и достаточно высоким уровнем.

Вторым важным этапом в истории материальной культуры семиреченских уйгуров было переселение их в Россию. Оно сопровождалось новым смещением населения: соседями оказались жители поселений, ранее удаленных друг от друга. Иные климатические условия вызвали необходимость по-новому строить поселки и ставить хозяйство. Все это способствовало исчезновению остатков местных различий, которые существовали в XIX в. между отдельными селениями Илийского края. Так, распространился кан, совершенно вытеснивший старый очаг типа камина (*мора-очак*). Исчез дом-мазанка, свойственный одной группе переселенцев (*байтокайцам*). В результате выработалась оригинальная единая культура, отличная не только от культуры других народов, но и от культуры синьцзянских уйгуров.

Семиреченская группа уйгуров образовала монолитное и стойкое национальное меньшинство. Но лишь после Великой Октябрьской социалистической революции уйгуры получили возможность подлинно свободного национального развития. В условиях Советского государства семиреченские уйгуры воспринимают новые черты социалистической культуры, обогащая ими свою национальную культуру.

Ферганские уйгуры имели другую историю. В Фергану они переселялись из Кашгарского оазиса. Переселение происходило постепенно.

Численность переселенцев из Кашгарии в середине XIX в. была значительно больше численности современного уйгурского населения Ферганской долины (свыше 50 000 семей — по данным Ч. Ч. Валиханова, относящимся к 50-м годам XIX в.¹; около 30 000 человек — по переписи

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Сочинения. «Записки Русского географического общества по отд. этнографии», т. XXIX, СПб., 1904, стр. 436.

1926 г.). Нет никаких оснований считать, что часть уйгуров переселилась обратно в Кашгарию. Уменьшение их численности объясняется следующим обстоятельством. По данным, собранным автором настоящей работы в 1948 г., уйгурские кишлаки редко существуют более 100 лет, т. е. основаны не ранее 40—50-х годов XIX в. Можно предполагать, что уйгуры, переселившиеся из Кашгарии раньше этого времени, вошли в состав узбекского населения Ферганы. Об этом же говорят и некоторые данные о диалектах узбекского языка в Фергане¹.

В материальной культуре кашгарских уйгуров в XIX—XX вв. наблюдалось большое сходство с материальной культурой узбеков и таджиков, населявших соседний район — Ферганскую долину. Помимо значительного количества общих форм в costume, орудиях труда, системе хозяйства, пище и т. д., прослеживаются черты взаимных влияний и в других элементах материальной культуры, в частности, в жилище.

Особенности расселения кашгарцев в Ферганской долине привели к полной утрате ими специфических черт материальной культуры, которые отличали бы их от узбеков Ферганы. Произошло это в результате взаимовлияний, причем преобладающим было влияние узбеков.

Условия сельского хозяйства, его характер, орудия труда в земледелии и ремесле Кашгарского оазиса и Ферганы были очень сходны. Значительно изменила характер ферганского хозяйства культура египетского хлопчатника, введенная в 80—90-х годах XIX в., уже после переселения основной массы уйгуров в Фергану. Много общего было в XIX в. и в costume уйгуров Кашгарии и узбеков Ферганы. Исключение составляли лишь головные уборы. Современные женские платья «узбекского» покроя (на короткой кокетке) и узкие пальто распространились в Фергане также в конце XIX в. и, очевидно, «осваивались» уйгурами и узбеками одновременно.

В прошлом наиболее значительными были различия в жилище. Тип постройки, а также внутреннее ее убранство у ферганских уйгуров не свойственны жилищам в Кашгарском оазисе. Процесс постепенной замены кашгарского типа дома каркасной ферганской постройкой следует поставить в связь с опасностью землетрясений в Фергане, к которым каркасные дома со стенами, изрезанными нишами, гораздо более приспособлены. В Ошском районе сохранилось несколько домов, построенных лет 60 назад. Среди них встречаются постройки, отличные от обычного ферганского типа, сохраняющие, очевидно, некоторые традиционные черты кашгарского дома: план в виде квадрата, поделенного на четыре части, небольшое количество ниш в стене, наличие *суны* внутри дома. В терминологии, относящейся к строительству жилищ, отмечается значительное узбекское и таджикское влияние.

Расселение ферганских уйгуров в среде оседлого населения, главным образом узбекского, родственного им по языку и культуре, способствовало тому, что уйгуры частично уже слились с ним, а частично находятся в процессе слияния.

* * *

Близость материальной культуры уйгуров с материальной культурой народов Средней Азии, главным образом оседлых — узбеков и таджиков, объясняется древними этническими, культурными и историческими связями народов Средней Азии и Восточного Туркестана, прослеживаемыми с очень отдаленных времен, а также сходством в исторических судьбах этих народов.

¹ А. К. Б о р о в к о в. К характеристике узбекских «умлаутных», или «уйгуризованных» говоров. «Белек С. Е. Малову», Фрунзе, 1946, стр. 29—30.

Заметное сходство проступает в производственной деятельности. Большинство старинных сельскохозяйственных орудий уйгуров отличается от соответствующих орудий, употреблявшихся в Средней Азии, лишь незначительными деталями, а нередко только названиями. Соха семиреченских уйгуров (*сапан*, *бузуса*) отличается от узбекского *омач* деталью, регулирующей глубину вспашки. Плетеной бороне *серэм* семиреченских уйгуров соответствует такая же борона *чапар* у горных таджиков. Очень близки по устройству и формам серпы, молотильные каменные катки, орудия ремесленников, ткацкий стан, прялки и т. д.

Аналогии наблюдаются в средствах транспорта — в упряжке и способах перевозки. Основной вид повозки — двухколесная тележка с оглобельной упряжкой (арба) характерна для всей Средней Азии. Отличия заключаются в том, что у уйгурской арбы — меньшие размеры колес; возница сидит не верхом на лошади, а на передке арбы; седёлка не приспособлена под сидение, в отличие от кокандской, и имеет некоторое сходство с хивинской.

Очень интересно сравнить старинные уйгурские дома Семиречья с жилищами других народов Средней Азии. По ряду признаков эти дома схожи с наиболее архаичными типами построек — узбекским домом Хивинского оазиса и домом горных таджиков. Для них характерно отсутствие деревянного каркаса, стены (глинобитные, кирпичные, каменные) стоят прямо на земле и держат крышу дома. В кровле имеется световое отверстие. Но у уйгуров оно не служило одновременно дымоходом, как у хивинцев и горных таджиков.

По внутреннему устройству жилых комнат уйгурский дом имеет общие черты с таджикским. Их сближает наличие довольно значительных по площади глинобитных возвышений (*суна* у уйгуров, *декун* у горных таджиков). План жилища горных таджиков напоминает расположением этих возвышений вдоль стен комнаты с проходом посередине планировку центральной комнаты уйгурского дома в Восточном Туркестане. В стенах комнат уйгурского и таджикского дома делаются ниши, заменяющие шкафы.

Планировка старинного большого уйгурского дома очень сходна с планировкой хивинского дома, объединявшего под одной крышей жилые и хозяйственные помещения. Интересно совпадение в терминологии: хивинская усадьба называется *хаули*; уйгурское слово *хойла* означает двор, открытый или крытый; центральное помещение хивинского дома — *долон* совпадает по назначению и устройству с уйгурским *даланом*; летняя комната и у хивинцев и у уйгуров называется *сарай*.

В планировке и устройстве современных небольших домов уйгуров наблюдается большое сходство с жилищами такого же типа в других районах Средней Азии, в частности с ферганским узбекским домом. Оригинально устроены в уйгурском жилище очаги и отопление. Для уйгурского дома в Восточном Туркестане характерен *мора-очак*, напоминающий камин. В восточнокашгарских оазисах он сочетается с каном, воспринятым от китайцев. У семиреченских уйгуров *мора-очак* был вытеснен каном. Очаги в уйгурском доме обязательно имеют дымоход, проходящий внутри стены. Очаги с дымоходом встречаются также в бассейне Верхнего Зеравшана и в Фергане. Очаг в жилище горных таджиков, служащий для отопления и приготовления пицци, очень схож с уйгурской печью для хлеба.

Однако, при всем сходстве с жилищами постройки народов Средней Азии, в целом уйгурский дом представляет собой совершенно особый тип принадлежащего оседлому народу центральноазиатского жилища.

Старинный и современный костюм уйгуров обнаруживает еще большее сходство с формами, бытующими у других народов Средней Азии. Неко-

торые отличия костюма узбеков и долинных таджиков от уйгурского объясняются более сильным влиянием ислама на первых. Так, паранджа не была известна уйгуркам до XX в., они носили белое покрывало на спине и короткую вуаль; мужчины-уйгуры, в отличие от узбеков и таджиков, не носили чалмы.

Очень много общего имеется в национальной пище, в способах ее приготовления, посуде. У уйгуров и узбеков бытуют одни и те же блюда. Наблюдаются различия лишь в режиме питания, в манере подачи блюд на стол.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

Материальная культура уйгуров близка к культуре оседлых народов Средней Азии — узбеков и таджиков. В ряде случаев ее отличие от культуры последних связано с большей устойчивостью в ней некоторых архаических черт, исчезнувших в культуре других народов Средней Азии.

При всем сходстве с культурой узбеков, таджиков и других народов Средней Азии, материальная культура уйгуров отличается особыми, специфическими чертами. Среди уйгуров Советского Союза эта специфичность наиболее ярко выражена у семиреченской группы.

Уйгурскую культуру отличает наличие некоторых элементов китайской культуры, объясняемое старинными связями с Китаем, а также завоеванием XVIII в. Более заметно китайское влияние проявилось в Восточной Кашгарии, Джунгарии и Илийском крае. В Южной Кашгарии оно сказывалось в городской архитектуре, costume, пище.

Наиболее прочно вошел в быт семиреченских уйгуров китайский кан. В Семиречье и Илийском крае он появился, очевидно, вместе с переселенцами из Восточной Кашгарии, а не перенят непосредственно от дунган или китайцев. Об этом говорит его отличие от китайского кана и полное сходство с каном турфанских уйгуров.

В обстановке уйгурского дома прочно держится обычай ставить в летней чистой комнате стол для безделушек. Раньше для этой цели покупали столы китайской работы. Китайское влияние сказывается в терминологии (в названиях деревянных частей кровли, некоторых предметов одежды, отдельных блюд и т. д.). В пище оно прослеживается у уйгуров как восточной, так и южной группы. Семиреченские уйгуры кроме того употребляют палочки для еды.

* * *

После переселения в Среднюю Азию уйгуры оказались под влиянием русской культуры, особенно в Семиречье, где русские переселенческие села находились по соседству с уйгурскими. Это отразилось на материальной культуре уйгурского народа.

Переселившиеся в Семиречье уйгуры, не меняя в основном типа и характера своего хозяйства, а в некоторых случаях помогая советом русским поселенцам в Семиречье (например, в проведении арыков, в овладении травосеянием), заимствовали у них ряд сельскохозяйственных культур: пшеницу, ячмень, некоторые фруктовые деревья и овощи, в том числе картофель, помидоры, капусту. Русское влияние сказывалось на инвентаре ремесленников, в транспортных средствах.

Глубокие изменения в материальной культуре уйгуров произошли после Великой Октябрьской социалистической революции и связаны главным образом с колхозным строительством. Материальной базой всех перемены послужило коренное преобразование способа производства. Все уйгуры-земледельцы и сельские ремесленники вошли в сельскохозяйственные артели и ведут социалистическое хозяйство. Огромные сдвиги

произошли в главной отрасли хозяйства уйгуров — земледелии. Почти полностью механизированы основные работы по зерновым культурам, а также посев технических культур. Колхозные поля обрабатываются по всем правилам агротехники.

В последние годы значительного развития достигло колхозное садоводство и огородничество. В плановом порядке в полеводство внедряются высокодоходные технические культуры (табак, подсолнечник в районах Алма-Атинской области). Животноводство, прежде игравшее в хозяйстве подсобную роль, стало одной из главных отраслей колхозного производства. В каждом из уйгурских колхозов — большое поголовье лошадей, коров, много мелкого скота. Принята новая для уйгуров отгонная система выпаса с летними (Фергана) или летними и зимними (Семиречье) выгонами.

Изменения в сельскохозяйственной технике и агротехнике, введение новых высокоурожайных сортов различных культур, новая организация труда значительно повысили производительность труда в земледелии и доходность хозяйства. В Казахстане и Узбекистане имеется несколько уйгурских колхозов, получающих миллионные доходы. Таковы, например, колхозы «Кадам» (Чиликский район Алма-Атинской области), имени Сталина (Пахта-Абадский район Андижанской области), «Сталинчи» (Ленинский район той же области) и ряд других.

В связи с ростом доходов улучшается быт, полнее удовлетворяются материальные и духовные потребности народа. Это не может не сказаться и на материальной культуре. Изменения в этой области идут в сторону обогащения национальной культуры путем сближения ее с культурой других народов Советского Союза, в первую очередь русских, узбеков и казахов.

Значительному проникновению элементов русской культуры в быт уйгуров способствовало уничтожение национальной гнета, исчезновение национальной розни. Рост связей с городом, развитие народного просвещения также способствуют восприятию неоценимых богатств русской культуры, а это влечет за собой общий подъем культуры уйгуров.

В Казахстане немало колхозов имеет смешанный национальный состав — русско-уйгурский, казахско-русско-уйгурский. Особенно много таких колхозов в Энбекши-Казахском районе. Члены колхоза не уйгурской национальности селятся вперемежку с уйгурами, не образуя отдельных улиц и кварталов, как это было принято в старых многонациональных поселениях. В смешанных по национальному составу колхозах восприятие элементов русской культуры происходит быстрее.

Прочнее сохраняются старые традиции в типах жилищ, что отчасти объясняется долговечностью построек. В Семиречье можно еще встретить немало домов, построенных уйгурами в 80-х годах XIX в., сразу после переселения. Однако частично эти дома перестроены. Так, у всех проделаны в стенах окна, замазаны камини и т. д. Постепенно исчезает дом старинного сложного плана застройки, что, очевидно, связано с исчезновением пережитков большой семьи. Господствующей формой жилища стал небольшой дом в две-четыре комнаты, с верандой вдоль фронтальной стены и с большим числом окон. Хозяйственные постройки, число которых уменьшилось, стоят отдельно.

Во внутреннем убранстве современного уйгурского дома можно отметить значительное количество предметов городской мебелировки (особенно в Казахстане).

Большие перемены произошли в costume уйгуров. Появились новые фасоны женского платья и мужской рубахи, поверх платья стали носить короткую безрукавку, появились женские пальто типа татарских бешметов,

сменившие прежние халаты. В Фергане халаты бытуют и по сей день, а в Семиречье уже вышли из употребления, и вместо них носят городские пальто. Русская городская одежда в значительной мере заменила национальный костюм у семиреченских уйгуров, особенно у мужчин.

Изменения в пище связаны отчасти с переменами в хозяйстве, но главным образом с повышением благосостояния уйгуров-колхозников. Значительно увеличилось потребление мяса, молока, животных жиров. Появились некоторые новые продукты питания. В связи с этим несколько изменилось приготовление национальных блюд, а некоторые из них исчезли, например, *умач* — кукурузная похлебка, раньше распространенная среди бедноты. Прибавились новые блюда, например, блюда из картофеля, капусты.

Воспринимая элементы русской материальной культуры, уйгурский народ берет из нее без изменения формы, близкие к своим национальным, а остальное перерабатывает в соответствии с национальным вкусом и привычками. Так, бревенчатая постройка, обычная в русском зодчестве, у уйгуров гладко обмазывается глиной снаружи и изнутри. Обстановка такого дома значительно отличает его от русского. Мебель приобретает в определенном подборе, и порядок ее расстановки очень своеобразен.

Для пошивки одежды теперь покупают фабричные материи, но тех цветов, которые и прежде были в обычае. Так, для летнего костюма, женского и мужского, берут ткани белого цвета, платья пожилых женщин чаще синие. Городское платье, особенно женское, обычно имеет фасон, близкий к старым национальным формам.

Социалистические преобразования коренным образом изменили весь уклад жизни уйгуров СССР. Проводимая в Советском Союзе ленинско-сталинская национальная политика способствует расцвету уйгурской национальной культуры и приобщению уйгуров к передовой русской культуре.

Лб41 26

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва—1958

Б. РИФТИН

О ДУНГАНСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

В настоящее время устное народное творчество дунган привлекает к себе все большее и большее внимание в Китайской Народной Республике. В частности, за последние два-три года появились публикации подлинных дунганских материалов. Так, в «Журнале материалов по новой истории» была опубликована историческая песня о вожде дунганского восстания Бый Ян-ху. В фольклоре среднеазиатских дунган, где бытуют другие песни об этом герое, эта песня не зафиксирована. Публикуются и традиционные лирические песни дунган («Сборник народных песен провинции Цинхай») и современные песни дунган о новой жизни, о коммунистической партии, о создании сельскохозяйственных кооперативов в дунганских деревнях¹.

В настоящем сообщении мне хотелось бы остановиться на другой, совершенно неизученной области фольклорного наследства дунган: на исторических сказаниях. Номенклатурно репертуар дунганских исторических сказаний ничем не отличается от произведений китайского народного творчества. Циклы сказаний о героях эпохи Троецарствия (III в. н. э.) в равной мере распространены у обоих народов. Известны также сказания и песни, рисующие эпоху строительства Великой Китайской стены, цикл произведений о полководце VII в. Сюэ Жэнь-гуе, легенды о государственных деятелях III в. до нашей эры — Лю Бане, Сян Юе и Хань Сине. Бытуют среди советских дунган и сказания о монахе Сюань-цзане и его верных помощниках: царе обезьян — Сунь У-куне, свиноподобном Чжу Ба-цзе и духе песка Ша-шэне.

Но большинство этих произведений дунгане переделывают и переосмысливают. Так, упомянутый выше монах Сюань-цзан, известный в народе как Тан-сэн-танский монах, отправляется в дунганских сказаниях не в Индию за буддийскими сочинениями, а в Аравию за кораном. Вместе с тем главным героем цикла и у китайцев, и у дунган выступает не монах — образ весьма статичный и бледный даже в романе «Путешествие на запад», основанном на этих легендах, а царь обезьян — воплощение находчивости, остроумия, смелости и верности своим друзьям.

Необходимо отметить при этом, что у дунган не зафиксированы некоторые циклы легенд и песен, известные буквально по всему Китаю. Это, в первую очередь, произведения о генерале Су У, который был захвачен в плен гуннами и сослан на берега Байкала, и цикл произведений о полководце XIII в. китайском национальном герое Юэ Фэе, боровшемся с нашествиями киданьских племен. Вероятно, борьба с гуннами и впоследствии с киданями мало коснулась дунганского населения, поэтому произведения об этой борьбе не стали популярными в дунганской среде.

¹ «Народная литература», 1956, № 2.

Дунганские исторические сказания представляют интерес не только как национальные варианты китайских фольклорных произведений, с некоторыми чертами своеобразия и переосмыслением имен, но и потому, что дунганские сказания зачастую дают совершенно иную трактовку ряда исторических персонажей.

Необходимо учитывать, что дунгане были в гораздо большей степени оторваны от книжной иероглифической традиции, чем китайцы. Достаточно сказать, что из многих тысяч дунган, пришедших в 70-х годах прошлого столетия в Россию, только пять человек было грамотных по-китайски. Эта оторванность от китайской иероглифической, книжной традиции, вне всякого сомнения, наложила отпечаток на дунганские исторические сказания. Кроме того, прозаические жанры всегда допускают большую возможность импровизации и свободы переделок, чем, например, песни (особенно если учесть строгую традиционную форму дунганских песен, где все события, как правило, излагаются по месяцам года).

Интересным примером дунганского варианта исторического сказания является записанное нами сказание о Чуском Ба Ване — так называли в народе правителя княжества Чу-Сян Юя, который выдвинулся в процессе подавления крестьянского восстания, проходившего под руководством Чэнь Шэ и У Гуана в начале III в. до н. э. Центральным героем этого произведения является собственно не сам Ба Ван, а его первый министр и советник — Хань Синь. Имя Хань Синя известно в истории Китая. Знаменитый историкограф Сыма Цянь, автор «Исторических записок», дал первую более или менее достоверную биографию Хань Синя. Сыма Цянь рассказывает, что в юности Хань Синь был беден, ничего не имел и жил за счет других. Впоследствии одна прачка взяла его к себе и кормила из жалости. Китайская фольклорная традиция точно следует этим фактам, и в записанной В. Семановым китайской версии этого сказания также говорится об этой прачке. Дунганская традиция рисует Хань Синя тоже не очень богатым человеком, но дунганское сказание начинается прямо с того времени, когда Хань Синь служит у Ба Вана, и только в дальнейшем рассказывается о том, как Хань Синь делил имущество своих родителей со своим старшим братом. И тут в дунганское сказание вплетается типичный сказочный мотив о двух братьях, делящих имущество, оставшееся от умерших родителей.

Приближение исторического сказания к сказке очень заметно именно в дунганском варианте, где кроме исторических действующих лиц мы находим еще и бессмертных шэньсяней, которые могут предсказывать судьбу. Один из таких бессмертных говорит Хань Синю, сколько лет он проживет и сколько будет сброшено за различные его преступления. В такой же чисто сказочной манере описывается и бегство Хань Синя от Ба Вана; трижды пускается за ним в погоню несообразительный Ба Ван, и все три раза хитрый Хань Синь обманывает его, прикидываясь дурачком. Один раз он садится на навозную кучу и начинает есть лепешки, и Ба Ван решает, что так может поступать только дурак. Другой раз он ложится спать в яму, причем голова находится у него внизу, на дне ямы, а ноги наверху.

В большинстве случаев в фольклоре мы находим развитие тех эпизодов из биографии Хань Синя, которые лишь вскользь упоминаются у Сыма Цяня в официальной биографии. Так, эпизод о том, как первый министр Лю Бана — Сяо Хэ преследовал (нагонял) Хань Синя, был развернут китайским народом в целую драму, идущую и поныне на сцене пекинских театров, причем народная драма по-своему трактует события

вводит новых героев, отсутствующих в «Исторических записках» (например, таков Чжан Лян, давший Хань Синю рекомендательное письмо к Лю Бану с предложением назначить его главнокомандующим).

В народном творчестве находит место и другой эпизод, повествующий о том, как императрица Люй Хоу приказала казнить Хань Синя.

Сыма Цянь рассказывает о том, как Хань Синь вошел в сговор с полководцем Чэнь Си и подговорил того поднять восстание против государя с целью захватить власть в свои руки. Сам же Хань Синь готовил нападение на императрицу Люй Хоу. «Люй Хоу хотела вызвать к себе Хань Синя, но побоялась, что вместе с ним явятся его сторонники. Тогда она, посоветовавшись с канцлером Сяо Хэ, приказала человеку, якобы прибывшему от высочайшего, распространять слух о том, что Чэнь Си погиб. Все сановники поздравляли императрицу. Канцлер обратился к Хань Синю: «Хоть Вы и больны, но все же по этому случаю должны поздравить императрицу». Хань Синь прибыл во дворец. Люй Хоу приказала страже связать его и отрубить ему голову», — так гласит официальная биография Хань Синя, написанная Сыма Цянем.

В дошедших до нас от эпохи Сун (X—XIII вв.) конспективных записях рассказов китайских народных сказителей (в так называемых пинхуа) есть специальный сборник с подзаголовком «Императрица Люй Хоу казнит Хань Синя». При сопоставлении этого произведения с соответствующим разделом истории Сыма Цяня обнаруживается, что все события в произведениях народного творчества разворачиваются в общем так же, только содержат больше мелких подробностей и диалогов. Так, например, в пинхуа рассказывается о поведении схваченного Хань Синя, которого доставили в зал пред очи императрицы: «Увидев Люй Хоу, он сложил руки и не мог говорить, слезы ручьем текли из его глаз, и он промолвил только: «Казнят безвинно». Императрица смеясь ответила: «Ты причинил много вреда высочайшему, подговорив Чэнь Си поднять мятеж в Яньмыне». «Ничтожный вельможа вовсе не имел таких намерений», — ответил Хань Синь... Подождите, пока высочайший вернется ко двору, ведь и тогда еще не поздно будет убить вельможу, а пока поглядим, как развернутся жестокие бои на окраинах государства». Но Люй Хоу не согласилась. Тогда Хань Синь начал ругаться: «Ах, ты, паршивая рабыня, в твоём дворце тайно прячется Чэнь Бо, с которым ты находишься в незаконной связи, разве это не преступление и обман императора!» Далее так же подробно описывается разговор Хань Синя с палачом.

Интересно отметить, что в китайской версии сказания, записанной В. Семановым от китайцев, живущих под Хабаровском, образ Хань Синя рисуется как явно положительный и Хань Синь воспевается как герой, освободивший народ от жестокого тиранства Чуского Ба Вана. В этой версии мы не найдем и последнего эпизода казни Хань Синя.

В дунганском варианте эпизод казни Хань Синя разработан совершенно оригинально. Нужно сказать, что в народном дунганском сказании полностью отсутствует полководец Чэнь Си, поднявший восстание: нет там и упоминания о сложных интригах при дворе Люй Бана. В дунганском варианте все гораздо проще. «Император, увидев, что войско лучше знает Хань Синя, чем его самого, — рассказывается в легенде, — решил как-нибудь избавиться от своего советника. Долго он думал, но так ничего и не мог выдумать, ведь нужно было все сделать тайно, чтобы Хань Синь не мог поднять против него войско.

Заметила императрица, что муж задумчив и грустен, и спросила у него, в чем дело. Император долго молчал, но потом не выдержал и рассказал ей все. Императрица Люй Хоу была хитрая женщина и сразу

придумала, как избавиться от Хань Синя. На следующее утро она приказала поставить в саду перед дворцом золотую ванну и послала слугу за Хань Сином, а сама разделась и стала мыться. Слуга привел ничего не подозревавшего Хань Синя через одну дверь, потом подвел к другой и пропустил вперед. Только Хань Синь переступил через порог, как императрица подняла крик. Его схватили, обвинили в нападении на Люй Хоу и хотели казнить. Но тут оказалось, что казнить его не так-то просто. Во-первых, Хань Синь заявил, что его нельзя казнить мечом, на котором есть его клеймо. Бросились осматривать все мечи. Оказывается, Хань Синь, вступив в должность первого министра и предвидя подобную ситуацию, велел кузнецам ставить на всех мечах его имя. Кроме этого Хань Синь заявил, что его нельзя казнить в таком месте, где он может видеть небо либо землю. Тогда его посадили в темную баню, но найти меч без клейма так и не могли. Долго искали, чем бы отрубить ему голову, пока из кухни не выбежала кухарка с большим ножом (чедо), которым обычно шинкуют овощи. Обрадованный палач схватил этот нож и снес Хань Синю голову». Таков конец легенды о Хань Сине и Чуском Ба Ване в дунганском варианте. Нужно сказать, что при сравнении дунганских и китайских вариантов этого сюжета мы видим резкую разницу не только в изложении тех или иных событий, но и в отношении к главному герою этого сказания. В «Исторических записках» Сыма Цяня мы находим явно двойственное отношение к Хань Синю. Историк пишет, что «чрезмерная гордость погубила Хань Синя, он был хвастлив и это также вредило ему». Но вместе с тем Сыма Цянь восхищается сыновней почтительностью Хань Синя, его заботой о могиле матери (заметим, что по дунганской версии Хань Синь, наоборот, не только не был почтителен с матерью, но даже убил ее).

В китайской народной версии образ Хань Синя противопоставляется тирану Ба Вану, там он наделен только положительными чертами. У дунган же Хань Синь рисуется жестоким, коварным и злым человеком. Дунгане переосмыслили этого героя и произносят его имя Хын Шин («злое сердце»). Имя это стало нарицательным. Мне приходилось слышать, как злого ребенка, задиру и шалуна, дунгане часто полшутя сравнивают с Хань Сином.

В заключение сделаем некоторые предварительные выводы.

1. Дунганские исторические сказания представляют собой оригинальные варианты общекитайских сюжетов, причем в них мы находим подчас совершенно иные эпизоды, не зафиксированные пока у китайцев.

2. В ряде дунганских сказаний обнаруживается иное отношение к герою, чем в китайских.

В некоторых случаях мы сталкиваемся с переосмыслением имен, географических названий, эпизодов. Так, например, в связи с осмыслением имени известной героини Мын Цзянь-нуй как Мын Цзянь-нуй (Мын Жу-нуй) у дунган отсутствует сказание о происхождении этого имени, т. е. о чудесном рождении героини из тыквы.

3. В дунганских вариантах исторических сказаний гораздо больше сказочных элементов, чем в китайских. Кроме приведенного выше сказания о Хань Сине, можно указать еще на записанное нами сказание о полководце VII в. Сюэ Жэнь-гуйе, в котором есть целый ряд чисто сказочных моментов, например встреча героя со старухой — хранительницей сердца врага.

Собирание дунганских исторических сказаний и сравнительное их изучение с китайскими сказаниями должно быть продолжено.